

БИБЛИОТЕКА — СОКРОВИЩНИЦА ХАСИДОВ — ЛЮБАВИЧ

**ВОСПОМИНАНИЯ
ПРАВЕДНОЙ РЕБЕЦН
Г-ЖИ ХАНЫ,**

ДА УПОКОИТСЯ ОНА С МИРОМ,
СУПРУГИ ПРАВЕДНОГО РАВВИНА, ГАОНА И ХАСИДА, КАББАЛИСТА,
НАШЕГО УЧИТЕЛЯ

РАББИ ЛЕВИ-ИЦХОКА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА

МАТЕРИ СВЯТОГО РЕБЕ
НАШЕГО ГОСПОДИНА И УЧИТЕЛЯ
РАББИ МЕНАХЕМА-МЕНДЛА,
ДА БУДЕТ ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНИКА БЛАГОСЛОВЕННА,
ДА УПОКОИТСЯ ОН С МИРОМ,
И ДА БУДЕТ НАМ ЗАЩИТОЙ ЕГО ЗАСЛУГА

**ШНЕЕРСОНА
ИЗ ЛЮБАВИЧА**

Выходит в свет в
“ОЙЦАР Г’А-ХАСИДИМ”

770 ИСТЕРН ПАРКВЭЙ

Бруклин, Н.-Й.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ СЕМЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ГОД ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON

INSTALLMENT 2

Published and Copyrighted © 2011
by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY
770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213
(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718
editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213
(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148
www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Отпечатано в России
Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вашему вниманию второй выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе.

И да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар Ѓа-хасидим»
13 тишрея 5752 года
Бруклин, Нью-Йорк

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН Г-ЖИ ХАНЫ ШНЕЕРСОН

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедалы, 5708 года (17.09.47 г.)¹

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

* * *

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЕРЫ В ОПЛОТЕ БЕЗВЕРИЯ

Перед Песахом в тот год прошла всеобщая перепись населения, в которой, среди прочих вопросов, был вопрос о том, является ли отвечающий верующим. Были среди верующих те, кто опасался написать правду. Мой муж поднялся на биму в синагоге во время субботней молитвы, когда собиралось больше всего людей, и провозгласил, что не дать правдивый ответ на этот вопрос — самое настоящее вероотступничество, и ни один еврей не имеет права так делать.

Эта речь оказала огромное влияние на людей. Был в общине один еврей, который работал в государственной организации, чем зарабатывал на жизнь для себя и своей семьи.

¹ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

Его жена ответила за него в переписи, что он неверующий. Он отправился в управление статистики и попросил исправить ошибочную запись, поскольку на самом деле он является верующим. Этот человек был очень рад тому, что сумел решиться на подобный поступок. Позже он пришел поблагодарить раввина, слова которого так на него повлияли.

УКЛОНЯТЬСЯ С УМОМ И ХИТРОСТЬЮ

На одном из допросов во время следствия (допросы проходили, как правило, в три-четыре часа ночи) моего мужа спросили: как ему удалось в год, когда была сложная ситуация с мукой и другими продуктами, провести работу такого масштаба по выпечке мацы для религиозных нужд? Он ответил, что дал взятку Калинину, когда встречался с ним в Москве, и за это получил разрешение. Следовательно, да сотрется его имя, лишился дара речи.

Другой вопрос, который ему задали, касался пункта переписи про отношение к вере. Было ясно: все, что муж говорил в синагоге, становилось известно властям, слово в слово. Очевидно, в синагогу был приставлен специальный человек, который следил за тем, как муж себя ведет и какое влияние оказывает на прихожан. Этот человек, как потом выяснилось, находился среди молящихся.

На этот вопрос муж ответил, что советская власть стремится, чтобы все делалось по правде. Евреи же являются — по правде — верующими², и только страх того, что это может повредить им с заработком или в других аспектах, заставляет их не давать правдивый ответ и скрывать, что они верующие. Он хотел лишь того, чтобы люди не обманывали переписчиков.

О, с каким умом и хитростью муж уворачивался от следователей! Своими ответами он лишил их возможности развивать обе эти линии вопросов.

2 См. Талмуд, трактат Шабос, 97б: «Евреи — верующие, дети верующих».

11 швата 5708 года (22 января)

ПОСЫЛКИ С ПРОДУКТАМИ – НЕ ПО СУББОТАМ!

Я искала мужа в течение пяти месяцев, пытаюсь выяснить, где он находится и получил ли те вещи, которые я посылала на его имя в Киев и Днепропетровск. На все запросы приходил ответ, что он нигде не числится.

В то время как я искала совета, что мне делать дальше (а особо советоваться было и не с кем, все боялись принять хоть какое-либо участие в судьбе моего мужа), пришла повестка из екатеринославской³ тюрьмы о том, что Л. З. Шнеерсон⁴ находится в камере №..., и я могу передать ему продукты и деньги.

Я порадовалась тому, что наконец-то стало ясно — муж жив, кроме того, у меня появилась возможность что-то передать ему. После всех сложностей и бюрократических препон я наконец собрала продуктовую передачу.

Передачи принимали раз в десять дней — все заключенные были разбиты на группы по алфавитному списку их фамилий. Первый раз муж мою посылку получил, о чем мне была выдана квитанция за его подписью. В следующий раз день, когда передачи получала его группа, выпал на Субботу. Поэтому я все приготовила еще в пятницу, а в Субботу утром взяла с собой русскую девушку, чтобы она несла передачу.

Больше четырех килограммов еды передавать не разрешалось. В этот вес входило все — даже хлеб. И если в нужный день я бы не пришла, мужу пришлось бы ждать следующей передачи — целых десять дней. Часть из тех четырех килограммов, которые я посылала, отбирала охрана, которая словно бы «отделяла десятину» от передачи — и не один раз, а целых два. Принимая во внимание этот факт, а также то, что муж скорее всего из тюремной еды ничего не ел, я ре-

3 Екатеринослав — название Днепропетровска до 1926 года.

4 Лейвик Залманович Шнеерсон — так рабби Леви-Ицхок значился в советских документах.

шила, что в таких обстоятельствах можно передать ему еду в Субботу⁵.

Прождав с семи утра до семи вечера, когда совсем стемнело, я получила записку, которую комендант прочитал громким голосом в присутствии множества людей, стоявших в очереди (впрочем, они вряд ли поняли смысл прочитанного): «По случаю Субботы передачи не принимаю»⁶.

Для того, чтобы решиться на такой поступок, нужны были сила духа и Б-гобоязненность моего мужа! Ведь все это происходило после того, как шесть месяцев он провел на черном хлебе и воде, испытывая множество лишений и страданий, а следующую передачу ему пришлось бы ждать еще десять дней!

Ценой больших усилий мне удалось убедить тюремное начальство разрешить послать мужу передачу через три дня, хотя он, похоже, получил большее удовольствие от того, что не нарушил Субботу, чем от еды, которую получил раньше времени. С тех пор администрация тюрьмы называла его «тот, который в Субботу не принимает передачи»⁷.

РЕБЕЦН НА ДОПРОСЕ

Днем в Субботу, через две недели после того, как мужа перевели обратно в днепропетровскую тюрьму⁸, к нам домой пришли трое сотрудников НКВД — провести еще один обыск, более тщательный. Все книги и рукописи⁹, которые он берег больше жизни¹⁰, они собирались погрузить в машину и увезти. После

5 По еврейскому закону угроза жизни отодвигает субботные запреты.

6 Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.

7 Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.

8 См. записки, указанные в примечании 2 (в 1-м выпуске). В них р. Леви-Ицхок, в частности, пишет: «Я сидел <...> сначала в Днепропетровске, потом в Киеве, потом опять в Днепропетровске».

9 В рукописном тексте записок ребецн уточнение: «его <р. Леви-Ицхока> рукописи».

10 См. письмо Ребе к р. Исеру Клювганту, датированное началом месяца тамуз 5734 года («Игрос койдеш», часть 29, стр. 191): «Моя мать, благословенной памяти, вручила в Москве Вашему брату [Бенциону], да покоится он в мире, двухтомник «Мидраш рабо» большого формата, на полях кото-

моих слезных просьб оставить их в доме они связались по телефону с начальством и в конце концов вернули книги обратно. К сожалению, от рук Гитлера¹¹ мне их спасти уже не удалось¹².

* * *

После того как моего мужа перед Песахом забрали из дома, на следующее утро его перевезли в Киев, в тюрьму Наркомата внутренних дел, где содержались особо важные заключенные. Один еврей столкнулся с ним на вокзале — двое охранников вели мужа к вагону второго класса. Потрясенный, он хотел подойти поближе, но один из охранников сказал ему: когда кофены произносят свое благословение, смотреть на них нельзя. Так и тут, — никто не должен подходить к вагону или произносить хотя бы слово.

При всем желании передать мне такой своеобразный привет от мужа — особенно в те дни, когда я была в неведении, жив ли он, — страх сковал уста. Я узнала об этой встрече на вокзале, лишь когда приехала к мужу в ссылку.

* * *

Во время второго обыска они, вероятно, пытались найти у меня какие-нибудь дополнительные материалы, которые

рого мой отец и наставник, да будет память праведника благословенна, оставил многочисленные примечания. Не могли бы Вы сообщить, какова судьба этих книг? Надеюсь, Вам понятна вся колоссальная значимость этого вопроса...» См. также беседу 6 тишрея 5750 года [в 25-ю годовщину ухода из жизни ребецн Ханы], разделы 2 и 4 («Торас Менахем — Ѓисваадуйойс» 5750, часть 1, стр. 61 и далее, стр. 64 и далее).

¹¹ По-видимому, имеется в виду тот факт, что рукописи р. Леви-Иццока, оставшиеся в Днепропетровске, пропали во время немецкой оккупации.

¹² См. беседу Ребе в Субботу главы «Эйкев», 20 менахем-ава 5750 года («Ѓисваадуйойс» 5750, часть 4, стр. 150), сноска 51: «Я хотел бы обратить внимание на один удивительный момент во всей этой истории: большая часть опубликованных трудов моего отца и наставника печаталась с рукописей, составленных им в ссылке. По воле Всевышнего, именно они стали всеобщим достоянием, тогда как другая часть, гораздо более объемная (тысячи страниц!), записанная в то время, когда он был раввином общины в своем городе, пока еще нам не доступна...»

позволили бы обвинить мужа в более серьезных преступлениях. Что именно они искали — не знаю.

После этого обыска меня вызвали в НКВД, где расспрашивали в течение нескольких часов: что говорил мой муж в йом-тов, когда обычно у него собирались люди, с кем он поддерживает связь (переписывается) за границей и так далее. И что пишут дети — особенно сын¹³ из Америки¹⁴.

В конце концов они стали меня запугивать, а я в ответ перестала реагировать на их вопросы, так что следователи остались ни с чем.

5.02.48 г. (25 швата 5708 года)

ПРИВЕТЫ ИЗ ТЮРЬМЫ

Все это время мне ни разу не представилось возможности увидеть мужа лично. Зато приходили приветы в письмах. Одно из них я получила из бухты Нагаева¹⁵, от человека, который в Песах сидел с ним в одной камере в киевской тюрьме. Как позднее рассказал мне муж, это был профессор-нееврей, который в тот момент оказался на грани самоубийства, и муж фактически вытащил его из уже приготовленной петли.

Привет придал мне сил. Сообщив о здоровье мужа, автор письма добавил, что никогда не забудет Л. З.¹⁶, его ясный ум и глубокие познания. Он также в нескольких словах обрисовал их жизнь в камере. Там, кроме моего мужа, находилось еще трое заключенных, и все они сумели остаться в живых лишь благодаря его влиянию и поддержке, позволившим им сохранить человеческий облик, несмотря на все то, через что при-

13 Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон.

14 Здесь ребецн имеет в виду «страны Запада», «свободный мир», поскольку собственно в Америку Ребе попал только в 1941 году.

15 Бухта на северном побережье Охотского моря. На одном из ее берегов расположен порт Магадан, служивший во времена сталинских репрессий перевалочным пунктом, через который заключенных отправляли в колымские лагеря.

16 Л. З. — «Левика Залмановича»; Ш. — «Шнеерсона». Автор письма не пишет имен полностью, опасаясь перлюстрации письма.

шлось пройти. Профессор также поражался силе духа и стойкости моего мужа. Как и всем арестованным, ему должны были сбрить бороду. В тюрьме тогда было немало раввинов и пожилых Б-гобязненных евреев, которые пытались не допустить этого, но у них ничего не вышло — все были обриту. Когда подошла очередь Ш., он с такой силой воскликнул: «Вы не коснетесь моей бороды!» — что тюремщики испугались и оставили его в покое. И действительно, как я заметила впоследствии, он был единственным заключенным с бородой. Естественно, многие религиозные евреи завидовали ему.

В конце августа 1939 года мужа перевезли обратно в Днепропетровск, и у меня, как уже упоминалось, появилась возможность раз в десять дней передавать ему продуктовые посылки. Однако узнать о нем, о его здоровье и положении дел ничего не удавалось. Были знакомые врачи, которые видели его в тюрьме, сотрудники тюремной администрации вообще встречались с ним ежедневно, но мне никто не говорил ни слова. Был, правда, один работник тюрьмы, который регулярно передавал мне приветы от мужа, но, как потом выяснилось, он все это просто выдумывал.

Один привет, однако, я от мужа в самом деле получила. Случилось это субботним днем. Его тогда содержали в нескольких километрах от города¹⁷. Там его встретил знакомый, кашлем давший понять, что узнал моего мужа. Тот в ответ тоже кашлянул. Этот привет был сразу же мне передан, и с дополнительной информацией: муж выглядит неплохо, держится твердо.

Позже муж рассказал мне: он в то время полагал, что его скоро освободят, и поэтому настроение у него было гораздо лучше, чем раньше. Увы, ситуация вскоре изменилась к худшему.

Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера

17 См. записки, указанные в примечании 2 (в 1-м выпуске): «В Днепропетровске я сидел в двух разных тюрьмах — в городе и за городом».

Давиду (Вадиму) Аминову и его семье:
супруге Саре-Эльке (Стелле),
детям Даниэлю, Натану, Рахель-Этель, Мирьям-Мане
и Йосефу-Якову —
с чувством сердечной признательности

Посланники Ребе в Москве